

РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

*История
библиотек*

636/9

ВЫПУСК 2

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

СЕМЬЯ ЯЗЫКОВЫХ И КАРАМЗИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

(По материалам неопубликованных писем)

Симбирская общественная библиотека, носившая до революции имя Н.М.Карамзина, не обойдена вниманием историков библиотечного дела. Необычная судьба, богатство фондов, громадное значение этого культурного очага в жизни губернии уже отмечались в специальной литературе, — правда, недостаточно полно. Опубликовано несколько статей и о послереволюционной судьбе этого книгохранилища. Но во всех этих работах имеется весьма существенный пробел: неполная информация о людях, которым Россия обязана основанием и дальнейшим процветанием Карамзинской библиотеки. Известно, что у ее истоков стояла семья Языковых. Но ведь этого недостаточно. На библиотеке не могли не отразиться общественно-литературные пристрастия, взгляды, вкусы ее основателей, а о них мы, в сущности, знаем очень мало. К сожалению, вовсе не использован громадный эпистолярный материал рукописного фонда Языковых (РО ИРЛИ), проливающий свет на всю эту историю, совершенно уникальную в анналах российской библиотечной жизни.

Между тем, кроме семьи Языковых (которая также не была чем-то монолитным, и в ее состав входили люди различной даже в идейном отношении ориентации: от патриота и славянофила Николая (поэта) до ярко выраженного западника и фрондера Александра), в организации Карамзинской библиотеки принимал активное участие еще один человек, имя которого в этой связи почти не упоминается, хотя все участники этого культурного мероприятия были людьми незаурядными, хорошо известными тогдашней образованной России.

Назовем их имена. Это — Александр Михайлович Языков, стоявший на страже библиотеки более тридцати лет, его брат Петр Михайлович, которому выпала честь торжественно открыть библиотеку и их близкий друг и многолетний корреспондент Василий Дмитриевич Комовский (о его роли еще будет рассказано). Вот как раз письма к нему А.М.Языкова и являются тем драгоценным материалом, который до сих пор находится под спудом и мимо которо-

го прошли историки библиотечного дела, вообще крайне скудно использовавшие архивные документы.

Петр, Александр и Николай Языковы принадлежали к культурной верхушке русского дворянского общества 20—50-х гг. XIX столетия. Получившие прекрасное домашнее образование, они продолжали его в Горном кадетском корпусе (Петр и Александр) и в Дерптском университете (Николай). Эрудиты и библиофилы, они любили усадьбную жизнь, никогда (кроме обязательных нескольких месяцев) не служили и очень много сделали для просвещения края. В Симбирской губернии, где расположены были их основные имения, они пользовались непрерываемым нравственным авторитетом. Вокруг этой видной семьи собирался некий клан людей состоятельных и независимых, дурно относившихся к петербургской власти. Любимица семьи, красавица Екатерина, вышла замуж за А.С.Хомякова, оригинального мыслителя, также человека очень богатого и независимого. Через это родство Языковы сблизились со славянофилами первого призыва, в первую очередь, с братьями Киреевскими. Оба старших Языковых заключили браки с девушками из семей столь же заметных: Петр женился на сестре декабриста Ивашева, которая сумела нелегально навестить сосланного брата, отправившись в Сибирь с обозом ямщиков; Александр — на дочери предводителя симбирского дворянства, известного просветителя М.М.Наумова, тоже человека неординарного. Что до Николая, то он, по своей болезни, рано сведшей его в могилу, остался холост.

Петербург был для этих людей чуждым, «немецким» городом. Зимами они частенько собирались в Москве, а в остальное время сидели в своих имениях. На первый взгляд, может показаться, что все это множество умных, образованных, высокопорядочных людей было выключено из общественной жизни, ибо таковою в России преимущественно считались служба или кафедра. Но та подспудная культурная работа, которую они усердно и непрестанно вели, наконец, та аура, которая создавалась вокруг них в целом и вокруг каждого в отдельности, — это настолько существенный (и вместе с тем трудноуловимый) аспект, что можно попытаться сравнить их воздействие на провинциальное дворянское общество с воздействием на московское П.Я.Чаадаева, который, к слову говоря, знал и глубоко уважал всех этих людей. Языково было настоящим дворянским культурным гнездом, — одна библиотека его чего стоила! «Роскошное село Языково», — писали о нем в прошлом веке. Ныне

от него остались одни развалины. После революции там размещался детский дом (причем не была вывезена ни библиотека, ни вещи, представлявшие музейную ценность), и когда в 1919—1920 гг. Пушкинский дом попросил художника Пластова съездить в Языково и зарисовать пушкинскую комнату (ту, где однажды ночевал поэт и которую все поколения Языковых сохраняли в первоизданном виде), то оказалось, что зарисовывать нечего: абсолютно все было расхищено. Когда местные крестьяне разобрали по своим избам имущество Языковых и прошел слух, что едет какая-то комиссия, то благоразумные поселяне сочли за лучшее просто сжечь господский дом. В 1922 г. сторела уже вся усадьба. А после Отечественной войны сюда явился политработник, назначенный директором совхоза, и по его распоряжению была в довершение картины взорвана старинная церковь. После этого был вызван бульдозерист, который разрыл могилы Языковых, но добыча была невелика: шпага, эполеты и золотой крест. Так погибло Языково¹. Зато — в возмещение потери — местное отделение Всероссийского общества охраны памятников проводит на месте пепелища ежегодные музыкально-поэтические праздники памяти — кого бы вы думали? — Нет, не Языкова, а Пушкина. И мемориальная доска есть, где означено, что великий поэт дважды посетил это имение, а однажды даже переночевал! В конце 1980-х гг. было принято решение о восстановлении усадьбы Н.М.Языкова на сохранившемся фундаменте.

Александр Михайлович Языков (1799—1874), несмотря на то, что он, в отличие от братьев (Петр был известным геологом), не оставил литературного наследия, был личностью в высшей степени незаурядной, более значительной, чем его знаменитые братья. Известно, что с его мнением считались Пушкин и Гоголь. Чуждаясь литературной деятельности, он умел побуждать и направлять тех, кого считал к ней призванным. Исследователями давно отмечена его выдающаяся роль в творческой биографии брата поэта, в особенности в 1820-е гг., во время расцвета и становления молодого таланта. Александр Михайлович пишет своему другу Комовскому о независимости, которой он пользуется, удалившись от «сует большого света и его побрякушек». Этот богатый русский барин, принадлежавший к старинной фамилии, прожил почти всю свою жизнь в Симбирской и Уфимской губерниях и сделал очень много для просвещения края, отдав этому хлопотливому делу уйму сил, времени

и средств. «Беспокойные просветители» — так назвал он в одном из писем себя и своего брата Петра.

В таком же духе были воспитаны его дети, внуки, а также дети и внуки брата Петра. Трудно переоценить благотворное влияние таких семей на общий дух и даже уклад жизни российской провинции. Еще в молодые годы философ А.И.Галич, у которого брал уроки Александр Языков, сумел внушить ему интерес к исторической и философской литературе. Эта любовь к серьезному чтению удивляла сверстников Александра — светских молодых людей. В серьезности, необщительности, застенчивости этого красивого юноши, в его равнодушии к любому из видов внешнего успеха было нечто, воспринимавшееся, как вызов «свету». В первой половине 1820-х гг. он познакомился и сошелся с Василием Комовским, человеком совсем другого круга, но духовно ему близким.

Книги занимали огромное место в жизни Александра Языкова. Это был настоящий книголюб. «Так привык я жить с книгами, — пишет он другу в 1829 г., — читать, выписывать, справляться. Это составляет занятие вечное, независимость величайшую и есть едва ли не единственный путь к счастью»². Это воистину кредо настоящего библиофила. С годами круг интересов Языкова-библиофила все более расширялся. В его письмах к Комовскому, который был его главным советчиком в книжном деле, содержатся многочисленные просьбы о присылке литературы. Из них видно, как широк и разнообразен был круг вопросов, интересовавших этого домоседа и сельского хозяина. Кроме словесности, отечественной и иностранной, его интересуют история (Гизо, Тьерри, Мишле, Пелитц, Гердер, Валлон), философия (Шуберт, Шеллинг, Гегель, Карус, Кузен), история литературы (братья Шлегели, Лессинг, Виланд, Менцель, Вебер, Тик, Менье, Буасси), политическая экономия (Сисмонди, Фикс), статистика, сельское хозяйство, архитектура, горное дело, педагогика, медицина... Всего и не перечислить. Среди изданий, постоянно выписываемых Языковым — основные русские и европейские журналы, каталоги крупнейших книготорговых фирм и, естественно, все новинки отечественной литературы. Его библиотека была образцовым собранием книг разносторонне образованного дворянина середины XIX в. Но Александр Языков был не просто книголюбом и книгочеем. Он, по мере своих сил, старался распространять в губернии грамотность и вкус к чтению. В 1829 г. он организовал в своем имении школу для крестьянских мальчиков, что

было в те годы довольно редким явлением. Он считал необходимым «позаботиться о заведении хороших начальных школ и гимназий, которые могли бы по времени приготовить студентов у[ниверсите]ты»³. От состояния общедоступных школ, — по его мнению, — почти исключительно зависит судьба государства⁴.

А.М.Языков организовал «Общество для издания переводов имевшее в виду демократического читателя, незнакомого с иностранными языками. Перед Обществом ставились задачи популяризации лучшей иностранной общеобразовательной литературы. «Не худо, кажется, обратить внимание на недостаток у нас сочинений чисто исторических: например, на русском нет ни одной истории Франции и Германии и ни одной истории художеств»⁵, — пишет он Комовскому. Общество переводило также медицинскую литературу. Существовало оно исключительно на средства Языковых и, естественно, не приносило никакого дохода.

Известный мемуарист, добрый знакомый Языковых Д.Н.Свербеев, характеризуя Александра Михайловича, подчеркивает его «дикость», молчаливость, необщительность и «нерешительность, повредившую и, может быть, испортившую ему всю жизнь»⁶. Светскому человеку и дипломату должна была казаться странной судьба Языкова, имевшего все возможности занять видное место в обществе любой из российских столиц — и вместо этого уединившегося в провинциальной глуши. Однако сам-то Александр Михайлович отнюдь не склонен был считать свою жизнь «испорченной». Он построил ее так, как ему хотелось, в соответствии со своим собственным представлением о «пути к счастью». Старость его была прекрасна. Он прожил по тем временам долгую жизнь. Частенько как мемуарной, так и в художественной литературе тех лет можно прочитать: «старик лет пятидесяти». В этих обстоятельствах его бодрость 75 лет могли посчитаться редкой удачей. Ему довелось оплакать почти всех своих близких: братьев Петра и Николая, сестру Екатерину, умершую молодой, и, наконец, ближайшего друга — Василия Комовского.

О В.Д.Комовском (1803—1851) мы знаем совсем уж немного. Три десятилетия он числился чиновником Министерства народного просвещения, совмещая эту должность в 1833—1838 гг. с местом библиотекаря Императорской Публичной библиотеки. Как человек на редкость образованный он стал членом, а затем и председателем Археографической комиссии. Прожил он всего 48 лет. Уже

молодые годы он — правитель дел Главного управления цензуры, директор канцелярии министра народного просвещения, затем действительный статский советник, т.е. штатский генерал... Однако, когда он умер, в доме не оказалось ни копейки, и он был похоронен на казенный счет как последний бедняк⁷, да и похоронен-то не по-человечески: на холерном кладбище, где в свое время был погребен скончавшийся от этой болезни его отец. Зарыли в ту же могилу, чтобы не тратиться на клочок земли! Кладбище затем было перепахано, так что и могилы его превосходительства в столичном городе Санкт-Петербурге не имеется. Такова была монаршая милость...

Громадная, хорошо сохранившаяся переписка Комовского с братьями Языковыми рисует нам этого сановника человеком иначе мыслящим, — тем, что мы теперь назвали бы диссидентом. Он, идя в самом капище, предупреждал людей (в частности, Н.А.Полевого и И.В.Киреевского) о готовящихся на них гонениях, он боролся с цензурой (в которой сам служил!) за пропуск в свет русских народных песен, собранных Киреевскими. Он был первым, самым передовым за весь XIX век редактором «Собрания сочинений» Николая Языкова. Он собирал и посылал Языковым — что видно из их писем — «досье» на убийц Пушкина (этого не знают наши пушкинисты), а те распространяли его в своем кругу. Высказывания Комовского о русских порядках — необычайно, до дерзости смелые (за что его не раз бранили осторожные Языковы, боявшиеся за него), мною частично собраны и опубликованы⁸.

Каким же образом познакомились и затем на всю жизнь сблизились эти двое: барич, отпрыск старинного, богатого, могучего рода, и бедняк, в сущности по социальному статусу почти разночинец — «бедный Евгений» (когда они познакомились, Комовский только начинал службу в Министерстве народного просвещения в должности совсем уж микроскопической: младшего чиновника). Мне представляется наиболее вероятным, что это знакомство произошло на домашних лекциях Александра Ивановича Галича. Живя в Петербурге, Языков посещал эти платные лекции, когда любимец молодежи (вначале царскосельских лицеистов, затем студентов) А.И.Галич был уволен после разгрома университета мракобесом Пушкиным⁹. Комовский, по бедности своей, естественно, не смог бы внести требуемые 300 р., но он, как и многие лицеисты (он окончил

Благородный пансион при Царскосельском лицее), посещал любимого учителя. В пользу такой версии говорит и то, что в дальнейшем, когда Александр Языков навсегда уехал из Петербурга, связь его с Галичем продолжалась через Комовского. Как бы то ни было, они сошлись и оценили друг друга, несмотря на разность не только общественного положения, но и литературных вкусов. Языков был последовательным сторонником реализма (даже «перегибая палку»; так, ему оказался не по зубам «Нос» Гоголя). Комовский же, как и Галич — убежденный шеллингианец и последователь Тика и Новалиса, прославившийся, в частности, как образцовый переводчик сочинений Менцеля и Шлегеля¹⁰, — был скорее романтиком. Во всяком случае его взгляды весьма близки к позиции московских Любомудров¹¹. В этом отношении ему тоже не повезло: в Петербурге кружка, подобного веневетиновскому, никогда не было: Комовский здесь был духовно одинок. Зато его сразу без колебаний приняли «за своего» москвичи. Познакомившись через Языковых в 1831 г. с братьями Киреевскими, он тут же получил предложение сотрудничать в их «Европейце» и, действительно, написал для него первый в России обзор скандинавской литературы, не увидевший света из-за запрещения журналом правительством. Зато был опубликован и поразил своей неофициальной позицией его обширный критико-биографический обзор русской литературы за 1833 год, высветивший его незаурядный критический дар¹².

В последние годы в поле зрения историков, освободившихся от шор (или и ранее не имевших их, — были все-таки и такие), стали попадаться люди XIX века, не вписывающиеся в привычные классификации: слуги режима (по положению) и враги его (по существу). Нет, речь идет не о бунтовщиках, а о тех скромных людях, которые незаметно, но неуклонно подтачивали столпы мракобесия, не давая им окончательно задавить мыслящих людей и самую мысль о свободе. Вот такой Комовский — так же, как Павел Миллер, Эраст Перцов и другие, открытые Н.Я.Эйдельманом, — делали гораздо более важное дело, чем мы, их заидеологизированные потомки, можем себе представить. Трагедия этих людей для нас также мало представима: ведь тот же Комовский не мог не сознавать, что все его усилия не изменят сложившейся ситуации, разве что через века. Сидя в дивном министерстве «народного затемнения» и волей-неволей принимая участие в его занятиях, он кипел от негодования.

А.В.Никитенко, профессор и крупный чиновник цензурного ведомства, рассказал о том, что в 1850 г., когда он рядом с семьей больного Комовского снимал дачу в Кушелевке, между ними произошел откровенный разговор (видно, молчать уже было невозможно). Речь шла об очередном комитете по надзору за сочинениями «по части наук и воспитания», только что перед этим вышедшем из какой-то начальственной «фаршированной головы» (о том, в какую сумму обходились стране эти детские забавы, уж лучше помолчим: умнее мы не стали). «Был вчера у Комовского, — записывает А.В.Никитенко. — Он тоже сильно огорчен этим новым учреждением и с жаром выражал свое негодование. “В Европе напроказят, — заметил он в заключение, — а русских бьют по спине”»¹³. Но хорош же разговор двух видных представителей отечественной администрации! А выражать негодование, да еще с жаром, Василию Дмитриевичу уже было крайне опасно: на пороге была душевная болезнь, от которой он вскоре и скончался...

В.Д.Комовский был ярко выраженным либералом-западником. Политический радикализм был ему чужд. Но еще более чужды были ему отвратительные российские порядки, где не было даже намека на права гражданина, где официальная перлюстрация писем мужа к жене (как в случае с Пушкиным) не считалась постыдной.

Обширная переписка Языковых с Комовским, кроме всего прочего, дает уникальный материал для истории интеллигентного и, если так можно в данном случае выразиться, высокопрофессионального читателя. Их вкусы и пристрастия интересны, конечно, и сами по себе, но в данном случае они имеют и прямое отношение к теме: Комовский был, как уже отмечалось, главным поставщиком книг для библиотеки села Языкова. Но мало этого. Когда был одобрен «свыше» проект организации в Симбирске общественной библиотеки (во многом благодаря стараниям и энергии Комовского, «продвинувшего» это дело в министерстве), он стал чем-то вроде ее эmissара. К тому времени широко известный в столичных литературных кругах (заметим, что он присутствовал на знаменитом обеде у Смирдина, причем отнюдь не как чиновник Министерства народного просвещения, а как уважаемый литератор), он открыл целую кампанию по сбору книг для Карамзинской библиотеки. И тут, естественно, сказались и его личные вкусы, и круг его общения.

свободно ориентироваться в теме, чтобы справиться с ним. Перевод сразу был признан образцовым. Самый авторитетный журнал эпохи «Московский телеграф» поместил более чем благожелательную рецензию¹⁷. Почти 10 лет спустя, в 1838 г., уже зрелым критиком и историком литературы, Комовский берется за перевод книги Вольфганга Менцеля «Немецкая словесность», снискавший одобрение даже беспощадного Сенковского¹⁸. На основе этой книги была написана известная статья Белинского «Менцель, критик Гете», снабженная эпиграфом, взятым из предисловия Комовского и также отметившая высокое качество перевода. Все эти труды были обращены, как вполне ясно, к демократическому читателю, не знавшему языков (во всяком случае в таком объеме, чтобы разобраться в сложном философском тексте). Это входило в ту программу истинно народного (не в уваровском смысле) просвещения, которое так занимало обоих друзей.

В 1845 г. в Симбирске был открыт памятник Н.М.Карамзину — первый в России памятник писателю. Он был сооружен на средства, собранные по всероссийской подписке; автором его был талантливый скульптор С.И.Гальберг, но дело было настолько необычным, что вместо изображения Карамзина памятник представлял собой фигуру музы истории Клио. Это сильно не понравилось А.М.Языкову, который считал, что памятник писателю должен быть понятным «всякому проходящему» и «народным». Однако все Языковы приняли самое активное участие в церемонии открытия памятника. Александр Михайлович выразил недовольство тем, что при этом не было ни одного представителя власти, хотя бы от Министерства народного просвещения. «Как будто Карамзин ничего не сделал для нашего просвещения? Подобное равнодушие к заслуге и дарованию всего более возмущает у нас, когда оно показывается людьми, которые по-видимому знают, что такое заслуги и дарование. Мне все это было странно и досадно. Неужели во всяком, даже необыкновенном человеке должно видеть только чиновника или поденщика, и полезная деятельность не налагает на нас обязанности помнить и уважать его?»¹⁹

В связи с установкой памятника зародилась мысль об устройстве публичной библиотеки, носящей имя историографа, для жителей его родного города «без различия сословий». Несмотря на то, что публичные библиотеки в губернских городах — по крайней мере формально — открывались еще в середине 1830-х гг. по инициати-

ве адмирала Мордвинова, оказалось, что дело это в середине 1840-х гг. снова требует особого разрешения начальства, и что состав фондов такой общественной библиотеки должен быть подвергнут цензуре. Те времена, когда можно было обойтись без этого, миновали. И вот тут как нельзя более кстати оказался «свой» человек в Министерстве народного просвещения (напомню, что министром в эти годы был зловещий Уваров). Памятник Карамзину был открыт в октябре 1845 г., а в феврале следующего Языков пишет Комовскому: «Сегодня здешний губернский предводитель (тесть Александра М.М.Наумов. — Л.Р.) представляет в Министерство Пр[освещения] о заведении в Симбирске Публичной библиотеки. Потрудитесь, сделайте дружбу и одолжение принять это дело под свое покровительство и защиту и сколько можно поспешить разрешением. Помещение уже готово, и все закипит и совершится разом. Доставка книг для чтения желающим очень продвинет вперед просвещение нашего края и освежит умы и сердца, плесенью невежества покрытые... Мы все принимаем живое участие в пробуждении дремлющих сограждан наших и готовы жертвовать книги, деньги и труд свой. Поспешите! Как можно поспешите!»²⁰ В течение всего 1847 г. и половины следующего письма А.М.Языкова полны заботой об открытии библиотеки. Он сообщает Комовскому, живо интересовавшемуся и активно включившемуся в это важное дело, обо всех предпринимаемых шагах. «Мы хлопочем о Карамзинской библиотеке, — пишет он другу в апреле 1847 г. — К маю месяцу приготовляем открытие... Библиотека покойного брата Николая Михайловича (более трех тысяч томов отборных изданий. — Л.Р.) послужит хорошим фундаментом, и теперь можно думать, что симбирские дворяне, эти Торки и Берендеи, не откажутся обеспечить существование заведения, в пользу которого они может быть и не совсем убеждены»²¹. Увы, он оказался прав в своей характеристике местных богачей. «На Карамзинскую библиотеку подписались очень мало, — жалуется он в письме от 27 мая 1847 г. — ... При всех подобных предприятиях надобно иметь в виду не дворянство и ожидать участия не от него, большею частью пустого, дикого и подлого; вся надежда на прочие классы народа, менее занятые картами, табаком и сплетнями... Пусть аристократия остается тем, что она есть, то есть ничем, и она скоро увидит, куда перейдет образованность, которая должна бы составлять ее первую принадлежность, как класса самого досужего... Книг набирается

В переписке друзей рассыпаны многочисленные замечания, а иной раз и развернутые мнения относительно современной литературы. В отличие от Любомира Комовского, требовавшего от литературы высоких сюжетов и героев (поэтика, к слову говоря, близкая к декабристской), Языков, «человек практический, а не утопист», — как писал ему по другому поводу А.С.Хомяков, — понимал, что жанр эпопеи отошел в прошлое и со всем своим здравомыслием выговаривал другу (которого, впрочем, не без основания, считал человеком более тонкой, чем он сам, психической и интеллектуальной организации и, признавая это, стоял тем не менее на своем): «Негодование, возбужденное в вас пошлостью предметов, которыми занимают свои дарования наши стихотворцы — весьма справедливо, если предположить, что они могут по произволу оставить низкий круг своей деятельности, описанный* и мелочную образованность нашего общества и соответствующими и выражающими оную столь же мелочными целями и способностями представителей оной на всех вообще путях жизни и развития; или, что они могут перестать быть самими собою, преобразиться во что-либо высшее, совершенно променять понятия свои на идеи, жизнь обыкновенную на идеальную.

“Немного истинных пророков
С печатью тайны на челе,
С дарами выпрених уроков,
С глаголом неба на земле”, —

говорит Веневитинов — и справедливо! Недостаток нашей литературы, столь живо вами чувствуемый, происходит, кажется, не от того, что наши писатели не хотят, а от того, что они не могут возвыситься над своим веком, что они совершенно по нем и совсем не замечают в себе разногласия между своими произведениями и безусловными требованиями идеи изящного; об этих докучных требованиях им не говорят ни собственное образование, ни критика, ни — что всего важнее — то внутреннее, самобытное знание, по которому без заказа творят великие истинные поэты... Сим же недостатком дарований можно объяснить и замеченное вами расположение выбирать предметы то страшные, то льстящие чувственным наклонностям людей простых и живущих одним телом»¹⁴.

Это, насколько мне известно, чуть ли не единственное в эписто-

* Т.е. очерченный. — Л. Р.

лярной литературе того времени столь развернутое мнение читателя — и притом читателя образованного, взыскательного и чрезвычайно здравомыслящего. Он считает, что литература должна быть «мастерской, живой картиной жизни. Чем в этой картине больше истины, тем она важнее для имеющих очи»¹⁵. Естественно, что поэтому он в восторге от «Мертвых душ», которые прочитал только как чисто реалистическое, к тому же «разоблачительное» произведение. Та атмосфера фантазмагии и абсурда, которая здесь незримо присутствует (начиная с разговора «русских» — а то каких же еще? — мужиков у ворот гостиницы и кончая неизвестно откуда тут взявшейся птицей-тройкой), начисто прошла мимо восприятия такого вот превосходного читателя, и это очень характерно. Он считает, что поэма Гоголя — «мастерская, живая картина жизни, которой не касаются преобразования и которою живут большая часть наших власть предержищих»¹⁶: подобный взгляд, естественно, не мог не отразиться на подборе книг как для личной языковской, так и, впоследствии, Карамзинской общественной библиотеки (преимущественно формировавшейся теми же Языковыми). Предпочтение отдавалось книгам серьезного содержания — шла ли речь о беллетристике, критике или популярной научной литературе. Конечно, Языковы были люди более трезво, реалистически мыслящие, чем романтик Комовский, но нельзя не отметить, что его восприятие искусства тоньше и ближе к нам, сегодняшним, объевшимся «критическим» реализмом, уже вкусившим иных плодов и уже прочитавшим кое-что, например эссе Набокова «Николай Гоголь», где со всей определенностью разоблачается миф о «гоголевском» чисто сатирическом направлении. В девятнадцатом же веке полностью царило то мнение, которое высказывал Языков, но с которым не мог согласиться поклонник Гофмана Комовский. Но в одном они сходились полностью: в необходимости перевода важнейших историко-литературных и философско-эстетических произведений европейских ученых, ибо на русском языке таких работ не было. Им казалось, что это направит на путь истинный наших посредственных писателей. По совету Языковых, молодой Комовский осуществляет громадный труд: переводит на русский язык всемирно известное сочинение Фридриха Шлегеля «История древней и новой литературы» и посвящает перевод Александру Языкову. Это — два тома весьма непростого текста, и надо было не только превосходно владеть немецким языком, но и

свободно ориентироваться в теме, чтобы справиться с ним. Перевод сразу был признан образцовым. Самый авторитетный журнал эпохи «Московский телеграф» поместил более чем благожелательную рецензию¹⁷. Почти 10 лет спустя, в 1838 г., уже зрелым критиком и историком литературы, Комовский берет за перевод книги Вольфганга Менцеля «Немецкая словесность», снискавший одобрение даже беспощадного Сенковского¹⁸. На основе этой книги была написана известная статья Белинского «Менцель, критик Гете», снабженная эпиграфом, взятым из предисловия Комовского и также отметившая высокое качество перевода. Все эти труды были обращены, как вполне ясно, к демократическому читателю, не знавшему языков (во всяком случае в таком объеме, чтобы разобраться в сложном философском тексте). Это входило в ту программу истинно народного (не в уваровском смысле) просвещения, которое так занимало обоих друзей.

В 1845 г. в Симбирске был открыт памятник Н.М.Карамзину — первый в России памятник писателю. Он был сооружен на средства, собранные по всероссийской подписке; автором его был талантливый скульптор С.И.Гальберг, но дело было настолько необычным, что вместо изображения Карамзина памятник представлял собой фигуру музы истории Клио. Это сильно не понравилось А.М.Языкову, который считал, что памятник писателю должен быть понятным «всякому проходящему» и «народным». Однако все Языковы приняли самое активное участие в церемонии открытия памятника. Александр Михайлович выразил недовольство тем, что при этом не было ни одного представителя власти, хотя бы от Министерства народного просвещения. «Как будто Карамзин ничего не сделал для нашего просвещения? Подобное равнодушие к заслуге и дарованию всего более возмущает у нас, когда оно показывается людьми, которые по-видимому знают, что такое заслуги и дарование. Мне все это было странно и досадно. Неужели во всяком, даже необыкновенном человеке должно видеть только чиновника или поденщика, и полезная деятельность не налагает на нас обязанности помнить и уважать его?»¹⁹

В связи с установкой памятника зародилась мысль об устройстве публичной библиотеки, носящей имя историографа, для жителей его родного города «без различия сословий». Несмотря на то, что публичные библиотеки в губернских городах — по крайней мере формально — открывались еще в середине 1830-х гг. по инициати-

ве адмирала Мордвинова, оказалось, что дело это в середине 1840-х гг. снова требует особого разрешения начальства, и что состав фондов такой общественной библиотеки должен быть подвергнут цензуре. Те времена, когда можно было обойтись без этого, миновали. И вот тут как нельзя более кстати оказался «свой» человек в Министерстве народного просвещения (напомню, что министром в эти годы был зловещий Уваров). Памятник Карамзину был открыт в октябре 1845 г., а в феврале следующего Языков пишет Комовскому: «Сегодня здешний губернский предводитель (тесть Александра М.М.Наумов. — Л.Р.) представляет в Министерство Пр[освещения] о заведении в Симбирске Публичной библиотеки. Потрудитесь, сделайте дружбу и одолжение принять это дело под свое покровительство и защиту и сколько можно поспешить разрешением. Помещение уже готово, и все закипит и совершится разом. Доставка книг для чтения желающим очень продвинет вперед просвещение нашего края и освежит умы и сердца, плесенью невежества покрытые... Мы все принимаем живое участие в пробуждении дремлющих сограждан наших и готовы жертвовать книги, деньги и труд свой. Поспешите! Как можно поспешите!»²⁰ В течение всего 1847 г. и половины следующего письма А.М.Языкова полны заботой об открытии библиотеки. Он сообщает Комовскому, живо интересовавшемуся и активно включившемуся в это важное дело, обо всех предпринимаемых шагах. «Мы хлопочем о Карамзинской библиотеке, — пишет он другу в апреле 1847 г. — К маю месяцу приготовляем открытие... Библиотека покойного брата Николая Михайловича (более трех тысяч томов отборных изданий. — Л.Р.) послужит хорошим фундаментом, и теперь можно думать, что симбирские дворяне, эти Торки и Берендеи, не откажутся обеспечить существование заведения, в пользу которого они может быть и не совсем убеждены»²¹. Увы, он оказался прав в своей характеристике местных богачей. «На Карамзинскую библиотеку подписались очень мало, — жалуется он в письме от 27 мая 1847 г. — ... При всех подобных предприятиях надобно иметь в виду не дворянство и ожидать участия не от него, большею частью пустого, дикого и подлого; вся надежда на прочие классы народа, менее занятые картами, табаком и сплетнями... Пусть аристократия остается тем, что она есть, то есть ничем, и она скоро увидит, куда перейдет образованность, которая должна бы составлять ее первую принадлежность, как класса самого досужего... Книг набирается

много кроме нами жертвуемых; из М[осквы] все почти тамошние писатели уже прислали. Потрудитесь и вы, с своей стороны, возбудить кого-нибудь и собрать от особо вам подручных»²². В августе, получив солидную посылку от Комовского, Александр Михайлович тут же откликается: «Благодарю вас за желание покровительствовать нашу библиотеку: присылайте свои переводы и возбуждайте всех, кого можно... В присылке изданий Арх[еографической] Ком[иссии] мы видим перст ваш»²³. Но вот уже и осень, а библиотека все еще не открыта. «Начальство и дворянство помогают плохо, — пишет А.М.Языков все более убеждаясь, что все надо делать самим. — Заведение, которое в образованном государстве встретило бы общее, радушное участие всех, здесь навязывается и может держаться только неотвязною силою двух-трех беспокойных просветителей!»²⁴

Ко всем трудностям прибавилась еще одна: надо было получить «визу» министра народного просвещения на списке книг, собранных уже для библиотеки. Вот тут помощь Комовского, как правителя дел Главного управления цензуры, оказалась просто неоценимой. Хотя его отношения с Уваровым были к тому времени окончательно испорчены (Комовский не пожелал войти в его идеологическую «команду»), но такую не слишком важную, по мнению министра, работу, как утверждение списка книг для провинциальной библиотеки, он ему доверил. Любопытнейшие, однако, вопросы задает ему по этому поводу А.М.Языков: допускается ли Вольтер? Можно ли принять в дар от местного доброхота знаменитую «Энциклопедию» Дидро и Д'Аламбера («ее никто нынче не читает, и стояние оной вовсе не опасно»)²⁵. Наконец, все трудности остались позади, и 18 апреля 1848 г. Карамзинская библиотека была торжественно открыта. С этого времени и до начала смертельной болезни Комовского сюжет о библиотеке не сходит со страниц его переписки с А.М.Языковым. Александр Михайлович как в воду глядел: читателями ее стали разночинцы. Уже через три недели после открытия он ликует: «Читают уже 20 человек дома с залогом и 40 постоянно в комнатах библиотеки. П[етр] М[ихайлович] пишет, что чрезвычайно умирительно и отрадно видеть в Симб[ирске] 40 человек сидящих вместе и читающих! — У нас, конечно, сидят вместе ежедневно и более 40 человек, но за картами. — Дворянство из Карамзинской библиотеки не пользуется, оно удерживает за собою карты, а книги уступает низшим классам народа — черта истинно

аристократическая и современная»²⁶. «Карамзинская библиотека идет хорошо, — это уже в последнем письме к Комовскому. — Читают много, и мы ее поддержим во что бы то ни стало»²⁷.

В 1850 г. в библиотеке было уже 415 читателей. Из них: дворян — 9, лиц духовного звания — 14, чиновников — 120, учащихся — 114 и «остальных званий» (то есть именно тех, на кого уповал Александр Михайлович) — 158. В 1851 г. скончался Петр Михайлович, и к руководству Комитетом библиотеки, наряду с Александром, приходят дети Петра, затем его внуки. Эта библиотека по праву должна бы называться «Языковской». Не счесть тех даров — книжных, денежных (не говоря уже о труде), которые эта замечательная семья внесла на пользу просвещения. Следует особо отметить участие женщин родственных семей: Наумовых, Ивашевых, самих Языковых, которые жертвовали не только деньги, но и свои личные библиотеки.

В 1871 г., за несколько лет до смерти, Александру Михайловичу был поднесен адрес от Комитета библиотеки, в котором говорилось: «18 апреля 1871 года исполнилось 25 лет существования Карамзинской библиотеки. Вы с покойным братом Вашим П.М.Языковым, принявши деятельное участие в основании библиотеки, во все время ее существования показывали самое живое содействие к процветанию оной и ежегодными денежными взносами по званию члена Комитета, и неоднократно пожертвованием значительного числа книг, и мудрыми опытными советами, и влиятельным ходатайством перед другими лицами, известными в литературном мире»²⁸. Свое книжное собрание — 3212 томов, выбранных с особым тщанием и любовью, он завещал библиотеке. В память отца его дети — Николай, Алексей, Михаил, Павел, Владимир, Анна, Мария и Наталья — после его кончины пожертвовали Карамзинской библиотеке 2400 р. Причем следует помнить, что, хотя Языковы были людьми богатыми, но многодетность семей как Александра, так и Петра, привела к раздроблению имений, так что указанная сумма была и для них весьма значительной. Надо было унаследовать от родителей то бережное отношение к культуре, ту заботу о людях «других классов», внушенную с детства, чтобы столько сделать для библиотеки, не ожидая при этом ни благодарности, ни признания.

Впрочем, вопрос о признании еще требует дополнительных разысканий. Слава Карамзинской библиотеки вскоре перешагнула

рубежи Симбирской губернии. О ней начали писать столичные газеты и журналы. Так, читавшаяся во всей Империи газета «Московские ведомости» еще с конца 1850-х гг. начала помещать более или менее регулярную информацию о приращении Карамзинской библиотеки. Сведения о ней мы находим также в журнале «Библиографические записки» (1858, 1859, 1861 гг.). Данные о ней проникли и в зарубежную печать, особенно при содействии Г.Н.Геннади, который был постоянным сотрудником немецкого библиотековеда Петцольда, перепечатавшего в своем журнале работу нашего библиографа «Указатель библиотек в России» (СПб., 1864). К началу 1860-х гг. библиотека насчитывала более 10 тыс. томов и помогла сотням неимущих юношей пополнить свое образование. В 1864 г., когда страшный пожар уничтожил почти всю библиотеку, Александр Михайлович с сыновьями покойного брата Петра вновь организовали Комитет библиотеки и в фантастически короткий срок добились ее полного восстановления, причем участие в этом деле снова приняли и женщины как семьи Языковых (особенно активно), так и семей Ивашевых, Наумовых и других. Воззвав ко всей культурной России, Комитет библиотеки получил просто бесценные дары: личные собрания А.Н.Оленина, В.Ф.Одоевского, А.И.Гончарова (тоже симбирянина), Н.М.Карамзина. К концу века Карамзинская библиотека по праву считалась лучшей провинциальной библиотекой России. Ее история была изложена в специально изданной юбилейной книге «Пятидесятилетнее существование Симбирской Карамзинской общественной библиотеки, 1848—1898», вышедшей в свет уже много позже кончины самих основателей²⁹. К слову говоря, в ней сообщается, что после пожара 1864 г., когда на восстановление Карамзинской библиотеки буквально бросилась вся Россия, в нее поступили пожертвования и от царской фамилии. Необходимо отметить также, что библиотека — детище Языковых — была настолько знаменита, что статьи о ней помещались даже в зарубежных энциклопедиях.

После 1917 г. судьба библиотеки сложилась следующим образом. В феврале 1920 г. местный Отдел народного образования распорядился убрать библиотеку из занимаемого ею дома хотя бы в сарай (так и пишет свидетельница этого дела)³⁰, и при отчаянном сопротивлении старых библиотекарей ее-таки выдворили, но все же не в сарай, а слили с также издавна существовавшей городской библиотекой им.И.А.Гончарова. Увидя столько книг сразу, мест-

ные деятели народного образования нашли мудрое решение: устроить общую библиотеку, назвать ее Центральной общественной, что и было сделано, причем поразившие местных образованцев громадные кучи книг подвигли их на необычный поступок: этой объединенной библиотеке было передано находящееся рядом небольшое школьное здание... Неизвестно, что было бы дальше в такой немислимой тесноте, если бы не то обстоятельство, что Симбирск был родиной не только Карамзина, Языковых и Гончарова, но еще и Владимира Ульянова, и когда библиотека из ведения Наркомпроса перешла под эгиду Политпросвета, сей последний совершил редчайший для подобного учреждения поступок: по-становил на родине вождя библиотеку переименовать в Дворец Книги и соответствующим образом опекать. Но ведь еще до этого масса книг была передана вновь организуемым районным библиотекам и передвижкам. Кроме того, как пишет старая библиотекарьша, «в 1927 году часть ценностей (а ценности были неслышанные, вплоть до подлинных дневников путешествия Петра и рукописей XVI—XVII веков. — Л.Р.) взята была в пополнение Библиотеки Академии наук и Всесоюзной библиотеки им.Ленина в Москве»³¹. Отчасти это произошло после того, как в 1925 г. академик М.Я.Март «посетил Ульяновский дворец книги и работал в нем почти месяц над одной из своих научных работ, пользуясь фондами Дворца книги»³². Но все же Дворец Книги был в привилегированном положении, и поэтому собственно Языковская библиотека, составившая его ядро, не вся погибла, хотя, не хранимая как коллекция, конечно, подверглась невосполнимым утратам, да и попросту физическому старению и превращению в макулатуру. В 1990 г. во Дворце Книги был открыт мемориальный музей «Карамзинская общественная библиотека», где восстановлены интерьеры швейцарской, читального зала и комнаты заседаний Комитета библиотеки эпохи 70—80-х гг. XIX в. В одном из шкафов представлены сохранившиеся книги из собраний А.М. и Н.М.Языковых. В музее имеется также документальная экспозиция, посвященная истории становления и развития Карамзинской общественной библиотеки³³.

Примечания

1. Об этом см.: Языкова Е.В. Творчество Н.М.Языкова: Книга

для учителя. М., 1990. С.22—25. Любопытно, что золотой крест, найденный в могиле (по всей вероятности, не натальный, а военный — наградной), был отправлен из Языкова в краеведческий музей, но до него не доехал.

2. РО ИРЛИ. Ф. Языковых, 19.4.104. Письма А.М.Языкова к В.Д.Комовскому. 1 февр. 1829 г. Л.1. Далее в примеч.: Ф. Языковых.

3. Там же. 5 марта 1849 г. Л.2.

4. Там же. Эту мысль Языков высказывал неоднократно и сам пытался наладить такие школы в своих имениях в Симбирской и Уфимской губерниях.

5. Там же. Л.1. 26 августа 1833 г. В этом же письме он просит совета у Комовского, считавшегося непререкаемым авторитетом в области истории зарубежной литературы, какие именно книги следует перевести.

6. Свербеев Д.Н. Записки (1799—1826). М., 1899. Т.2. С.99, 371 и др.

7. Сохранилось прошение министерства на имя государя о дозволении похоронить действительного статского советника Комовского на казенный счет, «как не имевшего состояния» (РГИА. Ф.733, оп.3, ед. хр. 60. Л.58).

8. См.: Равич Л.М. Из истории государственной регистрации произведений печати в дореволюционной России // Тр. / Лен. гос. библиотеч. ин-т. Л., 1957. Т.3. С.207—225. Биографические сведения о Комовском см.: Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биограф. словарь. Т.1. Императорская Публичная библиотека, 1795—1917. СПб., 1995. С.270—273. См. также: Равич Л.М. Судьба Василия Комовского // Звезда. 1996. №6. С.160—176.

9. О домашних лекциях Галича и полицейской слежке за ним см.: Никитенко А.В. Дневник в трех томах. М., 1955. Т.1. С.78.

10. Обе книги были изданы анонимно. Только узкий круг друзей-литераторов знал, кто скрывается под литерами «В.К.». И Полевой, и Сенковский, и Белинский, высоко оценивая перевод, не знали имени переводчика.

11. Общество Любомудров включало молодых людей из московской интеллектуальной элиты, группировавшихся вокруг Д.В.Веневитинова. Датой возникновения Общества считается 1823 г. Любомудры увлекались немецкой идеалистической философией (особенно учением Шеллинга). Вместе с тем, как отмечают исследователи, они «в большинстве своем сочувствовали декабристам и были

близки им, хотя и не политическими взглядами, но общим духом независимости и свободомыслия» (Маймин Е.А. Русская философская поэзия: Поэты-любомудры, А.С.Пушкин, Ф.И.Тютчев. М., 1976. С.7—8).

12. «Обозрение книг вышедших в России в 1833 г.» было напечатано в «Журнале Министерства народного просвещения» в мае 1834 г. Это был весьма удачный синтез критики и библиографии с элементами книжной статистики. Он заслуживает отдельного разбора. Его неофициальная направленность была замечена бдительным Уваровым, и больше страницы министерского журнала Комовскому, как критику, не предоставлялись. Собранный им громадный материал для очередного годового обзора был у него попросту изъят и передан Б.М.Федорову, помощнику редактора ЖМНП, детскому писателю, более известному как сочинитель доносков. Это тотчас же заметили Языковы и, конечно, и другие читатели журнала.

13. Никитенко А.В. Указ. соч., Т.1. С.336.

14. Ф. Языковых. 29 декабря 1883 г. Л.2—3. (Последний абзац письма напоминает современную читательскую и литературную ситуацию).

15. Там же. 22 ноября 1842 г. Л.1.

16. Там же. Л.2. Таково было всеобщее мнение людей той поры. Один Пушкин, прослушав в чтении Гоголя главы из «Мертвых душ», как известно, воскликнул «Боже, как грустна наша Россия...» Так то ведь был Пушкин...

17. Рецензент «Московского телеграфа» (всего вероятнее, сам Николай Полевой или его брат Ксенофонт) писал: «На русском языке мало являлось доньше столь полезных книг, как перевод Истории новой и древней литературы, соч[иненной] Фр.Шлегелем. Мы ожидаем большой пользы от этого перевода и просим читателей наших обратить на оное особенное внимание. Незнакомые с подлинником сей книги найдут здесь чтение самое поучительное. ...Появлением таких книг должно дорожить и учиться у них». (Московский телеграф. 1829. Ч.34. С.504).

18. Даже Барон Брамбеус (О.И.Сенковский), который в своей «Литературной летописи» — библиографическом отделе «Библиотеки для чтения» — в основном упражнял свое язвительное остроумие, нашел для труда Комовского слова уважения и похвалы. «Надобно миром благодарить нам того умного человека, который пе-

ревел его (Менцеля. — Л.Р.) нам на русский язык, и так хорошо перевел». (Библиотека для чтения. 1838. Ч.29. С.31).

19. Ф.Языковых. 14 октября 1845 г. Л.2.

20. Там же. 23 февраля 1846 г. Л.2.

21. Там же. 2 апреля 1847 г. Л.2.

22. Там же. 27 мая 1847 г. Л.2—3.

23. Там же. 16 августа 1847 г. Л.1.

24. Там же. 3 сентября 1847 г. Л.2.

25. Там же. 4 ноября 1847 г. Л.1.

26. Там же. 5 мая 1848 г. Л.1—2.

27. Там же. 1 ноября 1850 г. Л.2.

28. Пятидесятилетнее существование Симбирской Карамзинской общественной библиотеки, 1848—1898: Крат. ист. очерк. Симбирск, 1898. С.75.

29. См. также: Сборник исторических и статистических материалов о Симбирской губернии: Прил. к памятной книжке на 1868 г. Симбирск, 1868. Здесь указаны и имена некоторых самых активных членов Комитета библиотеки. Сведения об этой библиотеке можно найти также в известном исследовании П.Столпянского «К истории провинциальных публичных библиотек в эпоху Николая I (1825—1855)», опубликованном в журнале «Русский библиофил» (1912. № 1—2). Он называет Карамзинскую библиотеку «отрадным исключением» (№2. С.41).

30. Об этом — весьма содержательная работа М.Медведевой: История библиотеки в Симбирске—Ульяновске // Крас. библиотекарь. 1939. №10. С.29—30 (остальная часть статьи посвящена городской библиотеке им.А.И.Гончарова). См. также: Перухина Е. Столетие Ульяновской областной библиотеки им.В.И.Ленина (Библиотекарь. 1948. №9. С.33—37).

31. Медведева М. Указ. соч. С.30.

32. Там же. С.32. Несмотря на всю сдержанность автора, обусловленную понятными нам обстоятельствами, эта статья рисует нам трагедию и, в сущности, канун гибели превосходнейшего собрания. Только имя Ленина спасло его от окончательной гибели. «Дворцом Книги» объединенная гончаровско-карамзинская библиотека стала в 1925 г.

33. См.: Трофимов Ж. Симбирская Карамзинская общественная библиотека: Ист. очерк. М., 1992; Ивашкина Л.Ю. Карамзинская общественная библиотека в Симбирске — памятник культуры второй

половины XIX в. // Книга: Исслед. и материалы. 1991. Сб. 62. С.172—176.; Ее же. Семья Языковых и Карамзинская общественная библиотека в Симбирске // «История библиотек дореволюционной России: Становление и развитие». Конференция, 18—20 октября 1994 г.: Тез. сообщ. С.-Петербург, 1994. С. 105—108.